

ЛУКРЕЦИЙ КАР: И РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ, И ИРРАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНДЕТЕРМИНИЗМ

В. П. ГОРАН

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский государственный университет
goran@philosophy.nsc.ru

VASILY GORAN

Institute of philosophy and law, Novosibirsk State University, Russia

LUCRETIVS CARVS: RATIONAL DETERMINISM VS IRRATIONAL INDETERMINISM

ABSTRACT. Rational determinism and irrational indeterminism meet in Lucretius' materialism for the first time in the history of western philosophy. Having postulated the concept of *clinamen*, an unpredictable swerve of atoms in indeterminate space, he in fact explains matter's ability to move by itself, which, in turn, creates fundamental ontological prerequisites for the concept of free will.

KEYWORDS: Epicureanism, materialism, free will, atoms, void, unpredictable swerve of atoms.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-33-01007а1 «Онтологические предпосылки иррационализма и рационализма в эллинистической философии»)

Поэма Лукреция Кара «О природе вещей» содержит развернутое и самое полное из всех дошедших до нас текстов, – как Эпикура, так и его последователей, – изложение эпикурейской философии. Вместе с тем, эта поэма – не просто пересказ основного содержания не дошедших до нас многочисленных произведений Эпикура, а, несомненно, оригинальное философское произведение. И эта его оригинальность состоит не только в том, что учение Эпикура изложено в поэтической форме. Важнее то, что Лукреций существенно конкретизировал некоторые из важнейших нововведений Эпикура в атомистическую традицию в античной философии, представленную учениями Левкиппа и Демокрита. К наиболее значимым из нововведений Эпикура принадлежит признание, с одной стороны, верха и низа у бесконечной пустоты, а у атомов – тяжести, под действием которой все они с одинаковой скоростью падают строго вертикально вниз, и, с другой, – беспричинного отклонения атомов от этой отвесной траектории их падения. Предметом моего внимания и будет то, как Лукреций конкретизирует это второе из эпикурейских нововведений, а именно, индетерминистическое, а, соответственно, и иррационалистическое, допу-

щение беспричинности отклонения атомов, и, вместе с тем, совмещает его с декларацией рационалистического детерминизма.

Приверженность рационалистическому детерминизму Лукреций провозглашает сразу же, только еще приступая к рассмотрению «природы вещей», т. е. к непосредственной реализации всего замысла своей поэмы:

За основание тут мы берем положенье такое:
Из ничего (e nīlo) не творится ничто (nullam rem)
по божественной воле
(Лукреций. *О природе вещей* I 149-150).¹

Действительно, если «из ничего не творится ничто», то это предполагает, что у всего возникшего, произошедшего есть своя причина. Принцип детерминизма принимается, таким образом, как не имеющий каких бы то ни было исключений, что выражается использованием выражения «ничто» (nullam rem). И Лукреций осуществляет затем обоснование этого принципа:

Если бы из ничего в самом деле являлись вещи,
Всяких пород существа безо всяких семян бы рождались...
Так, например, из морей возникали бы люди, из суши –
Рыб чешуйчатых род и пернатые, с неба срывался б
Крупный и мелкий скот, и породы бы диких животных
Разных, неведомо как, появлялись в полях и пустынях
(Там же I 159–164).

Более того, Лукреций углубляет и, вместе с тем, конкретизирует трактовку принципа «из ничего не творится ничто» до утверждения его статуса как не только исходного при решении вопроса о признании существования атомов безначальным и не имеющим конца во времени, словом, вечным. В соответствии с этим принципом он провозглашает и совершенную неизменяемость атомов как первоначал бытия, и их не допускающую в себя пустоту, а следовательно, абсолютную плотность:

Если ж начальные плотны тела, если нет пустоты в них,
Как я учил, то должны они вечными быть непременно.
Если же, кроме того, не была бы материя вечной,
То совершенно в ничто обратились давно бы все вещи,
Из ничего бы тогда возрождалось и все, что мы видим.
(Там же I 538–542).

Апелляция к принципу «из ничего не творится ничто» выступает у Лукреция предельным доводом при обосновании положения об абсолютной плотности атомов. Не устает Лукреций варьировать обращение к этому принципу и при обосновании вечности бытия атомов:

---

¹ Здесь и далее Лукреций цитируется в переводе Ф. А. Петровского (1946).

Но уж раз я доказал, что ничто созидаться не может
 Из ничего, и все то, что родилось, в ничто обращаться,
 Первоначалам должно быть присуще бессмертное тело
 (Там же I 543–545).

Ссылкой на этот принцип Лукреций обосновывает безначальность и бессмертие не одних только первоначал всего, т. е. атомов, но и всего мироздания в его целостности:

...все, что является смертности свойством:
 Мягкость и гибкость, и ломкость и рыхлость, и полость и редкость –
 Все это также должно совершенно быть чуждо началам,
 Если построить весь мир мы хотим на бессмертных основах,
 Что бы он мог пребывать нерушимым во всем его целом,
 Ибо иначе в ничто (*ad nilum*) обратятся все вещи.
 (Там же II 859–864).

Но вернемся к теме вечности бытия атомов. Характеристика их совершенной неизменности в качестве наиважнейшей утверждается Лукрецием, как видим, вполне осознанно и не только последовательно, но и настойчиво. И этому соответствует акцентирование им беспричинности отклонения атомов от той траектории их строго вертикального падения вниз, которая детерминирована действием их тяжести. Ведь постулирование совершенной внутренней неизменности атомов делало невозможным причинное объяснение наличия у них внутренней активности. А отклонение от вертикальной траектории при падении объяснить действием внешних факторов Лукреций тоже не имел возможности, поскольку его картина мира таких факторов не предусматривала. Отсюда постулирование отклонения атомов как совершенно беспричинного. В сохранившихся текстах Эпикура нет даже намеков на то, что он ввел в свое учение положение о таком отклонении. Но о том, что его учение содержало такое положение, свидетельствуют другие античные авторы. Чаще других об этом сообщает Цицерон. И судя по одному такому его сообщению, можно сделать вывод, что у Эпикура не было достаточно внятной его формулировки. А именно Цицерон утверждает: «Что это отклонение происходит без причины – это он вынужден признать если не на словах, то на деле» (Цицерон, *О судьбе* X 22, пер. М. И. Рижского). Лукреций же уделяет этой составляющей эпикурейской атомистики самое пристальное внимание:

Я бы желал, чтобы ты был осведомлен здесь точно так же,
 Что уносясь в пустоте, в направлении книзу отвесном,
 Собственным весом тела изначальные в некое время
 В месте неведомом нам начинают слегка отклоняться,
 Так что едва и назвать отклонением это возможно.
 Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали бы падать,
 Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,

То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не смогла бы природа.
(Лукреций, *О природе вещей* II 216–224).

Показателем того, какую значимость имело в глазах Лукреция признание беспричинного отклонения атомов от вертикальной траектории падения, является не только отчетливость и ясность изложения им этой особенности эпикурейской атомистики. Не менее показательным в этом отношении и то, что он обращается к этой теме неоднократно, при этом считая нужным специально напоминать читателю о том, что он повторяется:

Вновь повторяю (*Quare etiam atque etiam*): тела непременно
должны отклоняться,
Но незаметно совсем...
(Там же II 243–244).

И значимость признания беспричинности отклонений атомов при их вертикальном падении для Лукреция не исчерпывается тем, что эти отклонения – необходимое условие всего многообразия порождений природы. В этом состоит, так сказать, вселенская функция их отклонений. Но помимо этого признание беспричинности отклонений атомов значимо в глазах Лукреция еще и тем, что эти отклонения – столь же необходимое условие свободы, присущей человеку как существу, обладающему разумом:

Если ж движения все непрерывную цепь образуют
И возникает одно из другого в известном порядке,
И коль не могут путем отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Чтобы причина не шла за причиною испокон века,
Как у созданий живых на земле неподвластная року,
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля
Что позволяет идти, куда каждого манит желанье,
И допускает менять направленье не в месте известном
И не в положенный срок, а согласно ума побужденью?
(Там же II 251–260).

Причем Лукреций и этот свой вывод о роли признания отклонений атомов для объяснения наличия у человека свободной воли также предъявляет читателю не один раз. Действительно, буквально через два десятка строк поэмы он снова акцентирует внимание читателя на том, что без признания беспричинного отклонения атомов картина мира будет фаталистически исключаящей возможность свободы человека:

...но чтоб ум не по внутренней только
Необходимости все совершал и чтоб вынужден не был
Только сносить и терпеть и пред ней побежденный склоняться,

Легкое служит к тому первичных начал отклоненье,
И не в положенный срок и на месте дотоль неизвестном
(Там же II 289–293).

Как видим, согласно Лукрецию, глубинный источник существования свободной воли у человека – наличие у атомов, из которых состоит его тело, такого движения, которое не определяется действием ни силы тяжести, ни внешних толчков. Эта составляющая движения атомов, как и движения обладающих свободной волей живых существ, есть не что иное, как их *самодвижение*. А так как наличие свободы у живых существ, в конечном итоге, определяется, согласно Лукрецию, способностью к самодвижению атомов, то признание таковой у атомов и оказывается для него главным при обосновании существования свободной воли.

И здесь Лукреций, как и вся античная атомистическая философия, сталкивается с серьезным затруднением. Ведь атом мыслился тогда как лишенный внутренней структуры, как целостность, не имеющая даже относительно самостоятельных частей. Поэтому приверженцы такой атомистики были лишены возможности признать наличие какого бы то ни было внутреннего, имманентного атому реального источника способности его к самодвижению, да еще к такому самодвижению, которое не подвластно необходимости, причем необходимости безальтернативной. И Лукреций вполне последовательно и даже настойчиво декларирует, как мы только что видели, беспричинность самодвижения атомов, которое постулируется им как не подчиняющееся необходимости. Более того, постулирование наличия у атомов способности такого самодвижения, которое беспричинно, он, не смущаясь, тут же сопровождает и утверждением, обладающим статусом всеобщности, но при этом его содержание таково, что признание его всеобщности фактически несовместимо с признанием беспричинности чего бы то ни было, а следовательно, и беспричинности самодвижения атомов. Вот это утверждение:

Из ничего (de nilo) ведь ничто, как мы видим, не может возникнуть
(Там же II 287).

Или можно сказать об этой ситуации у Лукреция и так: признанием беспричинности отклонений атомов он, по сути, фактически демонстрирует, что для него принцип детерминизма, который запрещает признание возникновения чего бы то ни было реального «из ничего» (de nilo), не имеет всеобщей силы. И, тем не менее, он, как видим, здесь же снова декларативно провозглашает именно этот принцип всеобщего детерминизма. Но Лукреций даже не замечает (или делает вид, что не замечает) очевидного. А именно, он не замечает, что продекларированный им в процитированной мной только что строке его поэмы принцип всеобщего детерминизма несовместим с признанием способности атомов к беспричинному самодвижению как первоисточнику возможности человека действовать, «руководствуясь волею духа». А эта их способность ре-

шительно утверждается им и непосредственно перед этой строкой, и сразу же после нее (там же II 269–286; 288–293).

Заслуживает анализа и еще одна сторона содержания эпикурейского учения, которую в обсуждаемом здесь пассаже своей поэмы Лукреций не обходит вниманием. Состоит она в обращении Лукреция к факту наличия целевой детерминации в деятельности человека. При этом Лукреций выдвигает доводы телеологического содержания в пользу признания того, что причинная цепь событий в мире не является непрерывной. А прерывают ее события, не имеющие той причины, которую Аристотель квалифицировал как действующую. Дело в том, что, по Лукрецию, от того строго вертикального направления, которое определяется силой тяжести как причиной действующей, атомы отклоняются в своем движении, обеспечивая тем самым возможность целеполагающей активности человека. Тем самым Лукреций формулирует довод, посредством которого, с его точки зрения, обосновывается, а вместе с тем таким своеобразным способом и объясняется, что без допущения такого отклонения целеполагающая активность человека оказывается невозможной. Вот как излагает этот довод сам Лукреций:

...движенье рождается в сердце
И начинает идти, руководствуясь волею духа,
Передаваясь затем по телу всему и по членам.
Это совсем не похоже на то, когда мы поддаемся
Внешним толчкам и вперед их силою движемся мощной.
Ибо тогда целиком вся материя нашего тела
Двигаться будет, от нас, очевидно, совсем не завися,
Вплоть до того, как она удержится нашею волей.
(Там же II 269–276).

Но если индетерминизм есть частный случай иррационализма, а именно, одна из сторон онтологической составляющей этого последнего, то в ситуации с обсуждаемым проявлением индетерминизма у Лукреция оказывается, что иррационалистическое положение о беспричинности отклонения атомов есть для него средство обоснования существования целевой деятельности. А сущностная специфика этой последней состоит в том, что она – деятельность именно рациональная, причем рациональная, так сказать всецело, а не всего лишь частично или по преимуществу. Поэтому можно сказать, что у Лукреция (следовательно, и у Эпикура, только в сохранившихся текстах именно у Лукреция это выражено явно) иррационализм не только дополняет рационализм, но выступает той необходимой составляющей его позиции, без которой для него оказывается невозможным обосновать важнейшую составляющую его же рационализма, а именно, – возможность целевой активности живых существ, и человека прежде всего.

Но какова, так сказать, глубинная подоплека этой парадоксальной ситуации? Она в дуалистическом характере античного атомистического учения о

первоначалах бытия, конкретно – в дуалистическом обособлении мыслимых как взаимоисключающие друг друга в их бытии атомов, с одной стороны, и пустоты, с другой. Ведь атомы и пустота у античных атомистов суть продукты гипостазирования абстракций, соответственно, – бытия и небытия, т. е. абстракций, противопоставление которых друг другу осуществлялось ими на самом предельном уровне абстрактности понятий. Действительно, более абстрактных понятий, т. е. понятий, являющихся результатом абстрагирования в мышлении от какой бы то ни было конкретности, в человеческом мышлении нет. На это указывал в свое время Гегель (1975, 217–220). Но если Гегель раскрывает диалектический характер соотношения абстракций «бытия» и «ничто»,² то античные атомисты соответствующие понятия «бытия» и «небытия» гипостазируют и, соответственно, мыслят их как не только абсолютно исключаящих друг друга и совершенно обособленных друг от друга, но и как неизменных и притом пребывающих вечно в этом своем качестве неизменных. Такая недиалектическая концепция первоначал всего сущего и обусловила невозможность для античных атомистов обеспечить на ее основе рациональное, т. е. без впадения в иррационализм, решение проблемы обоснования случайности как того, что объективно имеет место в действительности, а, тем самым, и обоснования возможности свободы человека. Эта ситуация, состоящая в том, что концепция первоначал всего сущего у античных атомистов недиалектическая, наглядно проявилась в том, что Лукреций, как мной уже отмечено выше, риторически вопрошает: «откуда», дескать, «появилась свободная воля», если нет беспричинного отклонения атомов от траектории их строго вертикального падения? Вместе с тем, эта же ситуация – и своеобразное историко-философское свидетельство того, что обоснование не одной только возможности, но и реальности свободы человека недостижимо вне учета диалектики необходимости и случайности как диалектики объективной.

Тот же Гегель убедительно показал, что бытие и ничто суть всего лишь моменты, стороны того их единства, которое есть становление и прехождение, т. е. движение (Гегель 1975, 222). А поскольку у античных атомистов, в том числе и у Эпикура с Лукрецием, абстракции бытия и небытия гипостазированы в их обособленности друг от друга, то и движение как (воспользуюсь манерой выражения Гегеля) «их истину» оказывается невозможно обосновать на этой понятийной базе. Эта ситуация и получает свое выражение в том, что для античных атомистов оказалось невозможным найти основание наличия самодвижения их атомов (как продукта гипостазирования бытия) в пустоте (как продукте гипостазирования небытия). Трактовка небытия как пустого пространства обеспечивает обоснование всего лишь возможности движения для атомов, причем движения, понимаемого только как изменение их место-

---

² Понятие «ничто» трактуется Гегелем как непосредственное отрицание содержания понятия «бытие», так что оно по своей содержательной специфике если не тождественно, то весьма близко понятию небытия античных атомистов.

положения в этом пространстве. Но что способно обеспечить превращение этой возможности в действительность, т. е. способно быть реальным движущим началом в такой ситуации? Таким началом не может быть ни пустота, ибо она совершенно бездеятельна, ни атомы, ибо эти последние – всего лишь гипостазированные абстракции бытия, т. е. того, в понятии чего осуществлено абстрагирование от какой бы то ни было специфики чего бы то ни было, в том числе и от того, что могло бы обеспечить внутреннюю активность атомов. Соответственно, атомы – гипостазированная абстракция нерасчлняемой, сплошной полноты и ее абсолютной неизменности.

Возможность двигаться у демокритовых и эпикуровых атомов есть, и двигаться только в плане пространственного перемещения в пустоте. А чтобы эта возможность реализовалась, требуется механическое воздействие на них извне – внешний толчок. Но что в этой картине мира может быть реальным агентом, осуществляющим такое воздействие? Только другие атомы. Но все они – гипостазированные неизменности, так что они внутренне пассивны. Все это в совокупности делало, в рамках античного атомизма, проблему источника движения атомов неразрешимой. Учение Эпикура об абсолютном верхе и абсолютном низе в бесконечной пустоте – это добавление, не имманентное атомистической картине мира, внешнее для нее. Оно как бы обеспечивало объяснение движения всех атомов сверху вниз. Но поскольку и постулировалась, и обосновывалась абсолютной пассивностью пустоты совершенно одинаковая скорость этого падения всех атомов независимо от их величины и пространственной конфигурации, то картина этого их движения оказывалась тождественной картине неизменности положений атомов друг относительно друга в пустоте. Адекватность такой картины становится наглядно очевидной, если рассматривать движение не атомов сверху вниз в неподвижной пустоте, а пустоты снизу вверх, т. е. движение этой последней по отношению к неподвижной совокупности атомов. Это, в итоге, – картина мироздания, совершенно лишенная реальных изменений. Ведь пустота, как ее мыслили античные атомисты, – это небытие, так что и ее движение снизу вверх по отношению к атомам не может иметь никаких реальных последствий для этих последних, оно для них как бы и нереально, всего лишь фикция.

И Эпикуру не оставалось делать ничего другого, как постулировать беспричинное отклонение атомов от их движения сверху вниз в пустоте, чтобы уйти от вышеописанной мной ситуации. Как ни странным выглядит нижеследующая оценка того, что сделал Эпикур, все же приходится признать, что Эпикур, а вслед за ним и Лукреций, *поступили вполне рационально, постулировав иррациональное* допущение беспричинного отклонения атомов от вертикальной траектории их падения в пустоте. В итоге следует признать, что индетерминизм Эпикура и Лукреция, состоящий в постулировании индетерминизма при «объяснении» (т. е. при отсутствии какого бы то ни было реального объяснения) отклонений атомов от их вертикального падения – это не какой-то их недосмотр или недомыслие. Напротив, это – продуманный продукт осознанно

реализуемых интеллектуальных усилий сделать атомистическую картину мира такой, чтобы в ней имела место не фикция движения пустоты снизу вверх при неподвижных относительно друг друга атомах, а реальные движения атомов относительно друг друга, и притом в разных направлениях. Ибо только в такой ситуации возможна реализация соединений атомов в сложные тела. Тем самым, в итоге Эпикур фактически вернулся к демокритовскому представлению об изначальной для мироздания ситуации наличия у атомов разнонаправленных движений. Однако, в отличие от Эпикура, и в особенности от Лукреция, у Демокрита беспричинность этой разнонаправленности явно не декларирована (Горан 1984, 172–203).

И все же нельзя не признать и то, что эпикурейское представление о беспричинном отклонении атомов от строго вертикальной траектории их падения – это, вместе с тем, фактически и одна из попыток введения в античную атомистику идеи самодвижения материальных объектов как проявления их внутренней активности, причем проявления этой последней, имеющего направленность вовне. И это своеобразное сочетание признаний как внутренней для атомов присущности им активности, так и внешней ее направленности, делает весьма отчетливо проявленным даже в эпикурейской атомистике диалектический характер самой идеи самодвижения материальных объектов как таковой. Вместе с тем, то, что эта идея самодвижения атомов получила свое воплощение только в виде представления о его беспричинности, было обусловлено недиалектическим, метафизическим, говоря современным языком, характером учения античных атомистов о фундаментальном уровне структуры материального мира. Суть этого недиалектического его характера состояла в том, что в качестве первоосновы мироздания постулируются внутренне абсолютно неизменные атомы. А эта их неизменность есть фактическое признание того, что они внутренне и совершенно пассивны, не имеют в себе внутреннего источника собственной активности, что, следовательно, источник и их внешней активности тоже внешний. А таковым в античной атомистической картине мира могли мыслиться только воздействия на атомы других атомов. Ведь помимо атомов, их соединений и пустоты больше ничего не признавалось реально существующим, а пустота характеризовалась как абсолютно бездеятельная, пассивная. Наконец, для того, чтобы признать, что атомы или их соединения способны проявить внешнюю активность, необходимо прежде признать их обладающими внутренней активностью. Но рационально обосновать ее наличие у них создатели античной атомистики как раз и были не в состоянии, поскольку они мыслили атомы как лишенные внутренней структуры и, соответственно, абсолютно внутренне неизменные.

Это был замкнутый логический круг, делающий невозможным рациональное решение задачи обоснования внутренней активности атомов. Ведь они внутренне неизменны и, соответственно, внутренне пассивны. И в рамках недиалектической в своей основе концепции античной атомистики этот круг не мог быть разомкнут иначе, чем посредством иррационалистического по своей

сути постулирования беспричинности отклонения атомов от направления их движения, которое Эпикур провозгласил имеющим источником их вес, с одной стороны, и наличие в пустоте абсолютного верха и абсолютного низа, с другой. У Эпикура, судя по сохранившимся свидетельствам о его учении других античных авторов, как было показано выше, представление о беспричинности таких отклонений имелось, но едва ли не в зачаточной или не очень внятно выраженной форме. А вот у Лукреция эта идея беспричинности таких отклонений уже выражена явно, отчетливо и, более того, проводится, как мы тоже могли убедиться в этом, весьма настойчиво. Лукрецием столь же настойчиво утверждается и мысль о том, что именно беспричинное отклонение атомов от вертикальной траектории их падения – первооснова наличия свободной воли у человека.

Таким образом, иррационалистическое решение проблемы самодвижения материи в эпикурейском учении оказывается результатом вполне рационалистической ориентации и создателя этого учения, и его последователя Лукреция на материалистическое решение по меньшей мере следующих двух проблем: во-первых, объяснения образования соединений атомов в сложные тела и, во-вторых, существования свободной воли у человека. Вместе с тем, постулированием беспричинности отклонений атомов от вертикальной траектории их падения в пустоте эпикурейская философия, можно сказать, пробила брешь в детерминистическом миропонимании, а тем самым внесла элемент иррационализма в рационалистический в целом по своему характеру античный материализм.

В последующем христианство расширило эту брешь до тотально иррационалистического истолкования материального мироздания как сотворенного нематериальным богом «из ничего» (Горан 2014). Тем самым в рамках христианского миропонимания было признано, что материальный мир не имеет собственной основы своего пребывания в бытии и, следовательно, обречен на полную зависимость самого своего существования от капризного, как его рисует Библия, божественного творца. Библейский бог, действительно, само воплощение капризности. Это проявляется, прежде всего в том, что мир он сотворил исключительно по своему произволу. Ведь существует бог уже вечность, а творить мир начал, согласно Библии, всего лишь за несколько тысячелетий до наших дней. Так сказать, блажь нашла. Более того, будучи не в состоянии сделать так, чтобы это творение, и особенно человек как венец всех его творческих усилий, соответствовали представлениям их творца о должном, этот божественный творец, согласно создателям этого религиозного мифа, готовит для мироздания «страшный суд». Словом бог фактически мыслится творцами этого мифа неумелым и притом капризным несмышленищем, которому не удастся сотворить нечто такое, что ему бы понравилось, и поэтому он намерен свои творения уничтожить, но при этом так, чтобы посуровее наказать самых неудавшихся из результатов своих же деяний – людей, на которых и надежды он возлагал, можно сказать, самые заветные.

Что же касается эпикурейского варианта иррационалистического индетерминизма, воплощенного в признании беспричинного отклонения атомов от вертикального падения, то, в заключение, уместно еще раз подчеркнуть, что все же, помимо всего прочего, он был еще незрелой попыткой выдвижения идеи самодвижения материи, а тем самым и тоже незрелым способом решения проблемы онтологических условий возможности свободы человека, причем ее решения на основе приверженности материалистическому миропониманию.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гегель (1995) *Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики*. Пер. с нем. Москва.
- Горан, В. П. (1984) *Необходимость и случайность в философии Демокрита*. Новосибирск.
- Горан, В. П. (2014) «Идея возникновения мира из ничего: Феофил Антиохийский и Лукреций Кар», *Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия* 12.2 (в печати).
- Петровский, Ф. А., пер. (1946) *Лукреций Кар. О природе вещей. Т. I*. Изд-во АН СССР.
- Рижский, М. И., пер. (1985) *Цицерон. Философские трактаты*. Москва.